В нашей традиционной рубрике «Литературная страница» мы продолжаем печатать книгу восьмидесятитрехлетней камчатской журналистки Екатерины Ивановны Дедык (до замужества Наривлич Ёкав Ивановна) «Жизнь прекрасна всегда (судьба чавчувенки)», которая погружает нас в мир малознакомый и притягательный одновременно. История малочисленных коренных народов Севера и Дальнего Востока просто и талантливо отражена в ее рассказах, читая которые хочется воскликнуть: «Неужели все это было, неужели это было совсем недавно?!»

(Начало в № 853 от 17.08.2016)

Редакционная коллегия газеты «Вести»

Автобиографическая справка (печатается с сокращением)

«Я родилась в 1932 году в тундре во время кочевки недалеко от села Воямполка. До замужества мое имя в паспорте было записано так: Наривлич Ёкав Ивановна. В школе как записали по фамилии отчима, так и осталось. По родному отцу я Чечулина, так что наполовину чавчувенка, напо-ловину нымыланка. Христианское имя мое – Кате-рина.

Восемь лет, с 1950 по 1958, я училась в Ленин-граде. Первые три года – на подготовительном от-делении. Это равносильно окончанию десятилетки. А затем пять лет вуза. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт име-ни А.И. Герцена, факультет русского языка и ли-тературы, получила специальность преподавателя родного (корякского) языка и литературы. Хоро-шую школу прошли мы в северной столице. Наши-ми преподавателями были известные североведы: Петр Яковлевич Скорик, Татьяна Александровна Молл, Лев Васильевич Беликов.

В 1958 году вернулись с подругой из Ленинграда в Палану, и началась новая жизнь. Подруга устроилась преподавать в школу. А я пошла работать на окруж-ное радио и стала журналистом. Обзавелась семьей. Стала носить фамилию мужа – Дедык. Один за другим родились у нас четверо сыновей. Сейчас я бабушка семерых внуков. Уже есть внучка и правнучек…».

Учеба в Ленинграде

Я закончила семилетку в Палане. Мне очень хотелось учиться дальше. Случай сам помог решить мою судьбу. Мою маму очень уважали учителя, они были для нее как приятельницы, помогали, как могли. Одна из преподавательниц просто сказала:

– Марина, дочери надо дальше учиться. Мы поможем отправить ее в Ленинград.

После этого разговора мама, вернувшись домой, объявила бабушке:

– Мама, твою внучку хотят отправить в Ленинград. Не волнуйся, она недолго там будет учиться. Так и решили. Но мне в душе было очень непросто: как же я оставлю одних маму и бабушку? Они же ждали, что после школы я пойду работать. Но я решилась:

– Ничего, мама, я очень быстро вернусь! – сказала маме, и начались сборы.

Мы с подругой Верой спешили подготовиться к поездке. А собирать-то мне было и нечего. Мама принесла старенький самодельный чемоданчик с железной ручкой, внутри он был оклеен газетой. В интернате сшили мне светлое в цветочек платье-татьянку. Вот и весь мой багаж. Помню, как перед самым отъездом мы с Верой поднялись в летний домик на столбах. Там уже готовилась национальная еда. Специально квасили в оленьем желудке свежую кровь, смешанную с оленьим мясом, поджаривали на огне панты, желудочки. Это было наше последнее пиршество перед отъездом. На рейде стоял маленький пароходик, доставшийся от немцев, но носивший имя великого поэта – «Пушкин». На нем приплыли ребята из Прибалтики на практику. Там были и русские, и латыши – одна молодежь. И капитан был совсем молодой, только на камбузе работал старичок. Нас провожали мамы. Мы с Верой взяли две шкуры и еду: сушеное мясо, сушеную рыбку, немного конфет – вот и все. Братишка не верил, что я уезжаю. Помню, как я сказала ему:

– Акка, я сегодня уезжаю надолго!

– Неправда...

Мы так и расстались, не попрощавшись. И вот мы с Верой взошли на пароход. Поместили нас в трюм, на стеллажи. Рядом было много молодых парней: их призвали на срочную службу в армию. На этом пароходе была и наша учительница математики Мария Федоровна Лонгинова. Мы с Верой заняли нижнюю клетку, расстелили там принесенные шкуры. В общем, устроились. Потом мне мама рассказывала: когда мой брат Ваня узнал, что я на пароходе, побежал на устье, чтобы увидеть меня, проплывающей на пароходе, и долго горько рыдал, бегая по берегу. Наш «Пушкин» поплыл в Пенжинский район вместо города. Потом тем же путем мы вернулись в Палану, а затем – в Петропавловск. Все съестные запасы у нас кончились. Наша учительница Мария Федоровна целый месяц подкармливала нас гречневой кашей. Потом я долго гречку не могла есть, сразу пароход вспоминала. Обычно за водой ходила я сама. Мне было интересно. Качки я совсем не боялась. Дело в том, что еще в моем детстве бабушка соорудила в нашей палатке качели. Я могла целыми днями крутиться вокруг оси. Наверно, тогда и натренировался вестибулярный аппарат. Когда плыли на пароходе, я по палубе шла к камбузу, а там из трубы наружу вытекала вода. Однажды какой-то старик схватил меня за руку, я вырвалась и быстро убежала, но больше за водой одна не ходила, боялась. Из Паланы до города плыли месяц. Питьевая вода на пароходе закончилась. К нам на помощь пришел тральщик, он и доставил воду. Мне все было интересно, я ничего не боялась, только немного стала скучать по дому.

Из Паланы мы приехали на пароходе «Пушкин» в город Петропавловск-Камчатский. Было все ново: улицы, машины, много людей. С подругой решили зайти в булочную. Небольшой магазин, за стеклом выставлены муляжи: какие красивые булочки! Вот сейчас их купим. Дошла до нас очередь, и как-то мы догадались, что это просто витрина. Если бы попросили дать нам те булочки, которые под стеклом, наверно, насмешили бы посетителей. В городе Петропавловске-Камчатском облоно купило нам билеты до Владивостока – палубные.

Хорошо, что было лето. Мы с подругой на палубе, как бомжи, лежали. Однажды матросы мыли верхнюю палубу, решив пошутить, они сильно облили нас водой, но потом пожалели и все наши пожитки унесли на просушку. Во Владивосток мы отправились на большом пароходе «Сибирь». На нем во Владивосток ехали достаточно богатые люди, очень хорошо одетые дамы. Наверное, они отправились в отпуск или совершали круиз. Мы с Верой, как дикарки, добрались до туалета: а там все блестит, быстро умылись и побежали наверх, на палубу.

Через несколько дней мы оказались во Владивостоке. Тогда город казался тихим, уютным. По главной улице Карла Маркса мы с удовольствием катались на трамвае. Здесь впервые я услышала наяву гудок паровоза. Но казалось, что все это было уже хорошо нам знакомо. Мы не очень удивлялись. Это же все мы видели много раз в фильмах, а теперь вот видим наяву.

Во Владивостоке избавились от своих шкур и посуды. Там кое-как сели на поезд – и до Москвы. Нам всегда встречались добрые люди. У меня деньги висели, зашитые на талии, как патронташ. В вагоне кого только не было. Было много военных, едущих на запад. Вдруг один старичок тихо подзывает меня к себе. А на мне была маечка с юбкой: в жару я снимала кофту. А он говорит:

– Дочка, у тебя деньги зашиты?

– Да, – отвечаю.

– Больше не снимай кофту, а то видно, что у тебя за пояс.

Я послушала и больше до самой Москвы не снимала кофтенку.

Проезжали много городов: Улан-Удэ, Тайшет, Красноярск, Новосибирск... Вот и Москва. Я представляла, что Москва нас встретит с музыкой, как в кино. А тут люди идут, идут, каждый по своим делам. С нами ехала землячка, в Москве она повела нас к родственникам. Там нас привели в порядок. Мне очень хотелось самостоятельно побродить по столице. Как-то мы забрели на рынок, и тут я отошла от друзей. Пошла бродить сама. Чего только на рынке нет! А мы и не знаем, как что называют и как едят. Все же, поборов робость, я осмелилась спросить одну продавщицу:

– Скажите, а что это у вас такое?

Она почему-то рассердилась и громко рявкнула:

– Ты что, не видишь, что лежит на прилавке?

Я спрашиваю:

– А что это такое?

Я очень расстроилась: почему мне так отвечают? Рядом оказался мужчина и сказал продавщице:

– Что вы кричите? Может, она не знает? Девочка, ты откуда?

– Я с Севера.

– Вот видите, объясните ей, что это за плоды.

А сам мне по-доброму начал объяснять:

– Девочка, это фрукты, сливы, их можно есть.

Пока я решила побродить по городу, друзья меня совсем потеряли. Дошла я до какого-то вокзала и, надо же, подошла к таксисту. Дорогу, где мы остановились в Киногородке, это в Лужниках, хорошо запомнила, где мост, где улица.

– Девочка, тебя куда везти?

– Я не знаю названий улиц, но Вам подсказывать буду.

Шофер, мужчина средних лет, улыбаясь, сказал:

– Ну, садись и показывай, куда ехать.

Я без всякого смущения начала:

– Сейчас едем прямо, а там под мостом есть тропка, и дорога сама приведет к дому. Он всю дорогу улыбался, наверно, удивлялся моей наглости. Как вспомню! Да ведь сейчас не решусь такси остановить. А тогда – легко! Какая детская наивность! У какого-то большого дома стояла лотошница. Ярко окрашенные в оранжевый цвет дивные плоды привели меня к ней. Продавщица спросила, зачем мне нужно отрезать небольшой кусок огромного плода:

– Девочка, это годится для каши, так ее не едят.

– Ну, ладно, не надо, – просто ответила я.

Деньги, выданные нам, быстро закончились. Это же 1950 год – сколько калек! Мы всем подавали. Нам ведь с детства объясняли, что бедным, больным надо помогать. Ехать дальше денег не было. И тут вспомнили наказ Григория Михайловича Нуждаева, заведущего Корякским окружным отделом народного образования. Он тоже выпускник ЛГПИ им. А.И. Герцена. Он сказал нам перед отъездом:

– Вот вам по тысяче рублей.

А ведь какие это были деньги! Нам доверили, совсем глупым детям. Посоветовал:

– Если не будет хватать денег доехать до Ленинграда, то в Москве идите в министерство образования к Каирову.

И вот в Москве, когда у нас закончились деньги и оказалось, что в Ленинград ехать не на что, мы собрались и смело пошли просить деньги. В моем понимании министры должны были быть очень богатыми и толстыми, как писал С.Я. Маршак. А тут входим в обычный кабинет и нагло просим денег доехать до Ленинграда. Кто-то из сидящих в кабинете спросил:

– Ребята, а сколько вам дали денег?

А мы:

– Только по тысяче.

Очень насмешили их:

– Вот это да, после семилетки сразу тысячу рублей?! Мы, работая в министерстве, таких денег сроду не видели. Где же эти деньги?

– А мы раздали бедным: они же калеки.

В общем, в министерстве выдали нам ровно столько, чтобы на поезде добраться до Ленинграда. Прибыли мы в Ленинград на Московский вокзал. Куда ехать? Что делать? Вспомнили, как наша школьная учительница биологии Лина Ивановна Головина (ныне она уже в очень преклонном возрасте, живет в Петропавловске) говорила нам перед отъездом:

– Девочки, прибудете на Московский вокзал, садитесь на трамвай и поезжайте до Мойки, вас там встретят.

Ранним тихим утром на трамвае по Невскому доехали до остановки «Набережная Мойки». Всех расспрашиваем, как добраться до института. Пассажиры так были рады объяснить нам, где выходить и куда идти. Они были одеты очень скромно, но таких доброжелательных людей я больше никогда нигде не встречала.

И началась новая жизнь. Поместили нас в старинном особняке в первом корпусе по адресу: Мойка, 48.

Комнаты просторные, окна до потолка, в одной комнате по 30-40 кроватей, у каждой кровати стоит тумбочка. Тогда была своя столовая при институте. Все рядом. На перемене успевали быстро пообедать. На столах стояла общая хлебница. Иногда, в ожидании первого, мы успевали съесть весь хлеб. Но в первую очередь из графина

надо было налить и выпить ложку рыбьего жира. Климат в Ленинграде неважный, многие болели. Наши землячки из Паланы – Варя Бречалова и Дуся Мохнаткина – в то время уже учились в Ленинграде. Они были нашими первыми экскурсоводами. Иногда мы им говорили:

– Варя, Дуся, пойдемте по той темной улице, а то стыдно.

– Нет, пойдем по Невскому проспекту!

У меня была длинная коса. В Ленинграде ребята часто дергали меня за косу, наверно, хотели проверить, настоящая она или нет. Ленинградцы тогда были очень добрыми. Посмеемся и продолжаем свой путь. Потом Варя и Дуся по болезни вынуждены были уехать домой.

После войны еще была разруха: Петродворец чернел, фонтаны не работали, скульптуры обезображены, еще саперы ходили и проверяли парки. На Невском еще не работали трамвайные линии. Все бывшие храмы считались музеями. Исаакиевский собор – главная церковь в дореволюционной России – работал как музей. Внутри было пусто, никаких иконостасов. В основном, экскурсанты поднимались по винтовой лестнице до самого верхнего купола. Я два раза поднималась и видела оттуда весь город. А Казанский собор! Тоже ведь тогда был музеем. Мы жили в двух шагах от этого собора. Очень просто пролезали через ограду – вот и в центре города. На нас как бы смотрел «Дом Книги» на Невском. Все студенты посещали этот дом. А Дворцовая площадь! Много-много каналов!

На Набережной реки Мойки есть дом № 48. Это главный корпус нашего пединститута. На этой же стороне, если пройти по Невскому, находится дом 12. Это музей-квартира А.С. Пушкина. Очень тихий дворик. Квартира со многими комнатами. Мы часто заглядывали в эту знаменитую квартиру, как будто в гости к любимому поэту.

На Набережной Мойки, чуть подальше, находится ломбард. Еще Пушкин приносил и закладывал там какие-либо вещи, чтобы получить нужные деньги.

Однажды мы с девочками посетили и это знаменитое место. Пришли не с пустыми руками, сдали на лето свои дешевые, купленные на рынке осенние туфли. И, как ни странно, оценщики оценили наши вещи и приняли. Хотя рядом в очереди стояли люди с тюками ковров, какими-то ящиками.

Мы потом радовались:

– Вот видите, девочки, и у нас, как у Александра Сергеевича, приняли наши резиновые туфли! – сейчас думаю, что, наверно, нас просто пожалели.

Жители Ленинграда отличались от москвичей. Они были очень простыми в общении и добрыми. Мы жили в общежитии очень дружно. А были тут девочки из разных северных округов. Клара Моринова из Якутии была по тем временам состоятельной. Когда-то ее родители тоже учились в Ленинграде. В основном, в нашем гардеробе были ее платья, которые принадлежали всем. Она любила наряжать нас в театр. Для того чтобы пойти в театр, заранее специально копили деньги. В моем дневнике сохранилась запись: «Как хотелось сходить на Лемешева, но не хватило двух рублей», – а тогда это были большие деньги. За эти годы я встречалась со многими актерами. Первая встреча с Павлом Петровичем Кадочниковым произошла в Ленинградской капелле. Я написала ему открытку, и он ответил на нее, написал очень добрые слова с пожеланием хорошо учиться. Жаль, что потом, спустя много лет, делая уборку в квартире, я разорвала многие ценные письма моей юности, а вместе с ними и открытку, написанную Павлом Петровичем Кадочниковым.

Сейчас часто показывают старые фильмы, в которых играли наши знаменитые актеры: вот Борис Андреев, Марк Бернес, Людмила Целиковская. О них подробно я писала в своем студенческом дневнике. Однажды на Невском встретила очень интересного актера, Сергея Филиппова. Он стоял у большой витрины нашего любимого кинотеатра «Баррикада». Просто поглядела на него и узнала. Он как будто вышел из кино. Таким родным показался. Я молча прошла, не решилась к нему подойти. Потом с Набережной Мойки мы переехали на улицу Желябова, прямо к порогу Театра Эстрады. Белые мраморные лестницы от времени стерлись, лифта не было. В комнате – обычная печка, видимо, поставленная еще во время блокады. Этой печкой пользовались все, кто был на этаже. Нам выдали комнатку на четверых, очень уютную, в конце длинного коридора. Напротив нас поселили ребят. Иногда из-за пустяка мы могли устроить небольшую потасовку в коридоре. После – разбегались по своим комнатам. Это был наш восьмой класс. Однажды решили приукрасить комнату. На базаре купили букеты бумажных цветов, какие-то гирлянды. Галина Тимофеевна Еремеева, наша воспитательница, как

вошла, так и ахнула. Очень интеллигентная женщина, коренная ленинградка, сказала простые слова, которые запомнила я на всю жизнь:

– Девочки, все, что висит, снимите. Это очень некрасиво. А бумажные букеты выкиньте. Никогда в доме не держите искусственные цветы. Пусть лучше будет обычная веточка – это будет самое лучшее украшение.

С восьмого по десятый класс учили нас по школьной программе наши добрые учителя, почти все ленинградцы. Математику преподавала Мария Кероповна Орбели, жена директора Эрмитажа, Орбели. Мария Кероповна – воспитанница Смольного института благородных девиц, который потом расформировали. Мария Кероповна – небольшого роста, уже в возрасте, она сама поднималась на наши учебные этажи. Часто мы встречали ее, чтобы помочь ей донести огромный портфель. Лифта в старом здании не было. Она всегда была одета очень просто: обычная юбка темного цвета и кофта светлого тона и свободный пиджак под цвет юбки. И, конечно, неизменная большая-большая брошь «божья коровка». Эту брошь она никогда не забывала. Как помню, с восьмого класса до самого выпускного дня эта брошь всегда была при ней. Мария Кероповна жила в конце здания Эрмитажа, видимо, эти комнаты были предназначены для сотрудников музея. Детей у Марии Кероповны не было. Она нас очень любила, как-то пригласила к себе в гости в комнату-квартиру, которую оставил ей муж. Небольшая уютная комнатка. Меня поразило окно. Оно из сплошного стекла. Через него можно было спокойно любоваться набережной Невы и, как на картине, красовалась Петропавловская крепость. В комнате то там, то тут лежали книги. Конечно же, угостила нас чаем. О чем-то говорили, но мы ее никогда не расспрашивали о личной жизни.

Точные науки мне давались с трудом. Особенно математика и химия. На математике, слушая, я все смотрела, как Мария Кероповна ведет урок: она небольшого росточка, вытянет руку и сухими длинными пальцами выводит на доске линию, иногда задевая ногтем доску, продолжает чертить, объясняя нам:

– Вот бесконечный эпсилон...

Химию преподавала очень интересная учительница. Мы прозвали ее «патриотом», потому что перед тем, как начать объяснять новую тему, она, рассказывая об ученом-химике, обязательно добавляла:

– Менделеев Дмитрий, ученый и наш с вами... запоминайте, наш с вами соотечественник.

Так нас наши любимые учителя выпустили из школы в 1953 году.

После десятого класса наша комната осталась в таком же составе: Вера, Галя, Клара и я. Все мы поступили на один факультет. Так что нам легче было вместе учиться, мы уже привыкли друг к другу, стали одной семьей. Тогда было гособеспечение: питание, одежда для всех одинаковая. Нам это очень не нравилось, и мы старались что-то со стипендии купить. Иногда купим один материал на всех, и каждая себе шьет платье. Платья получались разных фасонов, но все из одного материала. Потом решили шторкой отделить столик – это была наша кухня. По очереди ходили за продуктами. Я обычно брала много, да подешевле. Например, жареную треску, бородинский черный хлеб, ну и к чаю чего-нибудь.

Однажды мне сказали:

– Катя, ты не будешь ходить в магазин, у тебя одна рыба.

– Ну что вы, девочки, ведь дешево и очень много.

Зато Вера умела на эту же сумму купить всего понемногу: и сыр, и масло, и колбаски. Так что из меня торговец не вышел.

На Невском был хороший магазин. Как-то мы с подругой решили там купить мяса для супа:

– Дайте нам, пожалуйста, сто грамм мяса.

– Это для кошки?

– Нет, это нам для супа.

Наверно, продавцы долго потом вспоминали незадачливых покупателей. Потом мы решили сварить уху из свежей рыбы. В этом же магазине в аквариуме плавали разные рыбки, нам незнакомые.

– Вера, давай вот эту, видишь?

Через весь Невский в руках несли трепещущуюся рыбу, она только из воды. Чуть не выронили, но все же донесли, благо, рядом – только улицу перейти, а там наше общежитие, Желябова, 27.

Уху варили долго, рыба какая-то скользкая. Мы, кажется, не стали есть, боялись, что не сварилась. А нам очень хотелось, как дома, сварить наваристую уху. Больше к рыбе в Ленинграде не подходили.

Все 8 лет я жила безвыездно. Хотелось домой, но боялась не вернуться. Мама бы не нашла денег на дорогу. А мама тоже хотела очень, чтобы я приехала, но отгоняла эти мысли:

– Не смогу собрать денег на обратную дорогу. Пусть уж доучивается.

Вот так мы, находясь друг от друга на далеком расстоянии, мысленно одинаково решили: мечты о каникулах дома – неосуществимые. Мама рассказывала: она каждый год загибала палец, все время считала, сколько осталось до приезда дочери.

Так держались все восемь лет до окончания учебы. Вера, моя лучшая подруга, всегда была, как взрослая, хотя на год моложе меня. Мы на танцульках рядом с общежитием на площадке под радио пляшем, а она чинно, важно, на постели лежа, читает.

Вера с самого детства была моим поводырем. В детстве игрушки были общие. А в институте она часто указывала на мои ошибки. Мы с девчонками шептались:

– Наверно, Вера будет старой девой.

А Октябрина:

– А я, девочки, ни за что не буду старой девой!

– Девочки, а ведь наши будущие мужья где-то тоже сейчас учатся. Вот бы знать, где они.

На своих ребят мы не обращали внимания. Они целыми днями вместе с нами, да еще в общежитии: всегда рядом, как братья. Вечером, бывало, кто-то из них постучит к нам, попросит поесть или почитает стихи свои. Придет Ваня Шесталов. Он хотел, чтобы мы оценили его стихи:

– Да некогда нам, Ваня, уходи, видишь, делом занимаемся.

– Ну, смотрите, потом жалеть будете, что не слушали мои стихи.

И верно, он теперь хантыйский писатель. Сейчас иногда возьму с полки его книгу и

говорю:

– Да, Ваня, жаль, что тебя не слушали.

Вот уже на четвертом курсе: кто на физмате, кто на спортфаке, а мы – филологи. В нашем классе учились: наш земляк Эрик Гребзде, он алеут, Дима Осогосток – из Якутии. Для нас были открыты все кабинеты. Дима на вид очень хиленький юноша, его Дульсинеей стала ненка Христина. Очень высокая, рыжеволосая, белолицая девушка. Дружба у них была школьная. Дима носил ее портфель. Она была ему как старшая сестра. Так вот, наш Дима страшно не любил анатомию со всеми ее атрибутами. В углу кабинета стоял скелет. Ребята таскали его, гонялись за нами, пугая скелетом. А на столе в кабинете анатомии были приготовлены заспиртованные органы человека, что надо по теме. Вот Диму вызывают рассказать строение сердца. Он берет указку и начинает.

– Осогосток, покажи, где аорта.

– Не могу, – отвечает он.

– Не бойся, иди поближе, – продолжает учитель.

Так Дима и не смог пользоваться наглядными пособиями человеческих органов.

По болезни Диму отправили домой, в Якутию. И каково же было наше удивление, когда он позвонил нам из Москвы. В тот год только что построили МГУ на Воробьевых горах. Во время зимних каникул мы поехали к нему в гости, в Москву. Он показал все здания, комнаты. Было замечательно! На вопрос, как он поступил в МГУ, ответил:

– Приехал, сдал экзамены, теперь вот учусь вместе с сыном Шолохова на биолого-почвенном факультете.

Мы были очень рады за него, его очень любили однокурсники.

Мы все поступил в институты, на разные факультеты. Началась новая ступень учебы.

В нашем институте было очень много факультетов: литфак, истфак, факультет дефектологии, факультет романских языков и наш – северный факультет. Здесь, в основном, выпускники средней (подготовительной) школы распределились, кто на геофак, истфак, физмат, на факультет русского языка и литературы, северных языков.

Наш институт, Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, дал нам очень многое, институт нас воспитал с любовью. Здесь работали известные ученые-североведы. Многие ученые довоенного времени попали в опалу, да просто их пересажали. Только сейчас более-менее стали открыто говорить о тех страшных годах, когда в одночасье увели в тюрьмы преподавателей-североведов.

Профессора читали нам лекции, как и на всех факультетах. Мне очень нравились лекции по иностранной литературе. На одной из них впервые услышала о поэте из Шотландии – Роберте Бернсе. Еще нравились нам лекции по русскому языку. Их вела очень интересная женщина, коренная ленинградка Мария Алексеевна Якубович. Говорила примерно так:

– Как я не люблю иностранные слова на русский лад. Ну, что это такое: алле? Никогда не произношу это слово, просто отвечаю: я слушаю. Никогда не употребляйте неприличных слов.

Практические занятия по выразительному чтению читал профессор Язовицкий. Ребята наши, начинающие писать, с удовольствием декламировали стихи Владимира Маяковского и других известных поэтов. Мне было очень неловко читать стихи, но надо так надо:

– Катя, тебе надо со звуком «р» поработать, у тебя мягчит.

И так ко всем студентам, как будто нас готовили к профессии актера.

Мы учились у замечательных североведов. Петр Яковлевич Скорик – теперь он человек-легенда. Петр Яковлевич вел чукотский язык. Иногда приходил к нам, чтобы уточнить сходство того или иного слова, сопоставить чукотское и корякское слово. Как начнем спорить, что нет у нас такого слова, а Петр Яковлевич упорно твердит: «Есть». А мы время тянем, чтобы занятие прошло за спорами, чтобы лекцию не писать, под конец соглашаемся:

– Да, Петр Яковлевич, вспомнили, есть такое слово, – он доволен, что его предположение оказалось верным, а мы про себя хохочем: всю лекцию его дурачили.

Лев Васильевич Беликов – очень красивый профессор. Он, в основном, с чукчами работал, но иногда приходил к нам, тоже поговорить о языке. Татьяна Александровна Молл в то время еще работала над словарем. Привлекала и нас к работе. Каждый выходной приезжала в Вырицу Ленинградской области, оставляла нам задание до следующего выходного.

Также работали студенты из Ямала, Эвенкии и других автономных округов. Работа у нас кипела. Наши преподаватели были очень интеллигентные люди, они любили нас.

Вера Ивановна Цинциус – профессор, она говорила по-эвенкийски. Однажды она пропала. Оказывается, ее увезли в тюрьму за перевод. Сказали, что она «галстук Ленина» перевела на эвенкийский как «ошейник». Многие преподаватели исчезали, а потом появлялись.

Не забыли и физкультуру. Зимой, после того, как выпал снег, начали в парке Кирова проводить уроки на лыжах. А я совершенно не могла кататься, но старалась. Это были прекрасные прогулки, развлечение, веселье. Потом после урока физкультуры снова шли на лекции. Вечерами всем коллективом занимались в студии художественной

самодеятельности у Татьяны Федоровны Петровой-Бытовой, бывшей ученицы Айседоры Дункан. Но о ней есть отдельное письмо-воспоминание. Она была больше чем другом. Учила всему: как одеваться, как вести себя. У нас на курсе были некоторые студенты – мастера писать лекции, эти лекции мы у них переписывали. И вдруг на четвертом курсе Вера заболела гриппом, а затем и я. Пошло осложнение. После лечения нас в срочном порядке отправили в санаторий «Сосновый бор». Там нас хорошо подкормили, подлечили. Весна, сокурсники сдают сессию. А мы вынуждены были по совету декана Гавриила Никандровича Никулина, очень доброго человека, оставить учебу на год. Так мы с Верой отстали от своего курса. Однажды Вера говорит:

– Катя, давай сдадим курс со всеми.

– Ну, что ты, Вера? Как сможем два курса сдать?

– Все, решено. Составляем план, договариваемся с преподавателями. Сначала – зачеты, затем – экзамены.

В общем, я согласилась. И началась напряженная работа.

Бывало, по всему Ленинграду ищем преподавателей, чтобы сдать зачеты. Одним словом, госэкзамены сдали одновременно со своим курсом и окончили наш институт.

Когда я вернулась домой, мама меня не узнала. Потом она рассказала мне, что тогда подумала:

– Ладно, хоть приехала. Наверно, долго жить не сможет, уж больно тощая.

У нас с Верой была задача – не опозориться перед земляками. Мы очень ответственно ко всему относились. А маме было все равно, лишь бы я была жива. Для меня писать письма-воспоминания – просто удовольствие. Одно слово может напомнить что-то о

прошлом, так и нанизывается длинная история жизни человека. Не все в жизни бывает гладко, мы до самой старости учимся жить.

Продолжение следует.